

Б. Ф. Егоров

Художественная проза Ап. Григорьева

Аполлон Григорьев. Воспоминания
Издание подготовил Б. Ф. Егоров
Серия "Литературные памятники"
Л., "Наука", 1980
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmn@lib.ru>

1

Ап. Григорьев хорошо известен любителю русской литературы как поэт и как критик, но почти совершенно не знаком в качестве прозаика. Между тем он – автор самобытных воспоминаний, страстных исповедных дневников и писем, романтических рассказов, художественных очерков. Собранные вместе, его прозаическое наследие создает представление о талантливом художнике, включившем в свой метод и стиль достижения великих предшественников и современников на поприще литературы, но всегда остававшимся оригинальным, ни на кого не похожим.

Самым характерным свойством григорьевской прозы является ее автобиографичность. Разумеется, воспоминания, дневники, исповеди автобиографичны по жанру и по сути, но и обычные рассказы Григорьева имеют глубоко личный, автобиографический характер. Здесь наблюдается явная аналогия с его поэзией: ведь большинство стихотворений поэта – как бы маленькие дневники и исповеди, а циклы стихотворений представляют собой своеобразные сюжетные эпизоды из реальной жизни автора, вплоть до прямой имитации ежедневных записей: таков цикл "Дневник любви и молитвы" ("имитация" потому, что – сразу же оговоримся – не следует полностью отождествлять художественные произведения даже такого субъективного писателя, как Григорьев, с реальной биографией художника).

Автобиографические мотивы вторгаются даже в критические статьи Григорьева. Не говорим уже об очень частых "лирических" отступлениях в статьях относительно личного пристрастия к тем или иным явлениям литературы или относительно духовной эволюции автора, – это бывает почти у всех критиков. Но у Григорьева в текст статьи включаются "посторонние", автобиографические отрывки. Например, в статье "Стихотворения Н. Некрасова" (1862) критик от анализа рецензируемых произведений неожиданно переключается на воспоминания о Берлинской картинной галерее и о беседах с В. П. Боткиным о судьбах русского искусства. Создается интересная мемуарная миниатюра, которую можно бы изъять из текста статьи и поместить в рубрику "Воспоминания" (по насыщенности критической статьи мемуарностью с Григорьевым может сравниться и даже опередить его еще один великий "личностный" критик – Д. И. Писарев). Публицистические же очерки Григорьева – "Беседы с Иваном Ивановичем о современной нашей словесности и о многих других вызывающих на размышление предметах" (1860), "Безвыходное положение" (1863), "Плачевные размышления о деспотизме и о вольном рабстве мысли" (1863) и многие другие настолько густо пересыпаны автобиографическими отступлениями, что фактически их с равными основаниями можно относить и к публицистике, и к мемуарам. В настоящем издании публикуются две театрально-критические статьи Григорьева – о постановках "Гамлета" и "Отелло", имеющие большое искусствоведческое и литературоведческое значение, но в данном случае характерные своей автобиографичностью, пронизанностью личным, "григорьевским" материалом.

Глубокая и всепроникающая автобиографичность григорьевских произведений объясняется особенностями его духовного склада, его мировоззренческих принципов.

Прежде всего, он вырос и воспитался в романтическую эпоху, в эпоху гипертрофированного субъективизма – Григорьев замечательно это показал в своих воспоминаниях. Влияние эпохи было настолько мощно, что уже совсем в другие времена, когда господствовал реализм, оказавший сильное воздействие и на Григорьева, наш литератор все-таки считал себя романтиком, причем "последним романтиком". Ясно, однако, что ссылок на эпоху мало для понимания и объяснения такого глубинного романтизма (ведь отец Григорьева, как мы